

• УКРЕПЛЯЯ ЕДИНСТВО, ХРАНИМ ТРАДИЦИИ

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. СТО ДВАДЦАТЬ

(Продолжение. Нач. в № 41).

Так случилось, что к маю прошлого года я нашла в метрических книгах все имена детей Евдокима и Харитона, нашла имена почти всех их внуков. Оказалось, что имя Михаил было популярным в роду Мельниковых. Кроме неизвестного мне доселе Михалачки, этим именем были названы сыновья у Никиты Евдокимовича и Ивана Евдокимовича. Так что разыскиваемый мною Михалачка, а точнее Михаил Михайлович Мельников, эту троицу дополнил.

Ну, и отец Михалачки, напомним, тоже был Михаилом.

Тогда, на встрече с Гольдбергом мы много говорили и о войне – эта тема для него была и остаётся и по сей день очень важной. Не одна уже книга о войне и об участии в ней солдат из Тюменской области им написана, но поиски свои он не прекращает ни на минуту. Удивительный и сокровенный человек!..

Я увозила домой несколько книг, подаренных автором: «Возвращённые имена», «Неизвестные известные герои», «Запрещённые солдаты». В этих книгах есть не только воскрешённые из небытия имена, но и потрясающие душу истории этих людей. Есть в тех книгах имена солдат ермаковцев и солдат из окрестных деревень, пропавших без вести и прошедших сквозь ад плена и выживших. Теперь их имена известны благодаря гигантской работе, проделанной Рафаэлем Соломоновичем. Его труд по возвращению памяти о простых солдатах Тюменщины поистине восхищает. Огромное спасибо ему за это!

НАХОДКИ

Вдохновившись встречей с Гольдбергом, получив от него доброе напутствие на поиски Михалачки, я отправилась домой, в Петербург.

Возвращалась я поездом. Дорога заняла двое суток. С Интернетом было плохо, но у меня был с собой ноутбук с архивом собранных материалов и книги, так что скучать не приходилось.

Из «Книги расстрелянных», в которой названо более восьми тысяч двухсот имён, сделала выборку фамилий крестьян-белорусов по всем поселениям Тюменской области. Список оказался внушительным и очень страшным: в нём я насчитала более двухсот имён... Некоторые фамилии из списка мне были знакомы из детства: Босьяков, Денисенко, Жердецкий, Зубарев, Ковалёв, Мельников, Павлюченко, Юрков. Это были крестьяне из деревень Ермаки, Осинковка и Еловка. Но были в списке и неизвестные мне Лозиков и Паденков, хотя они и жили в соседних деревнях с Ермаками – Жигулях и Пестовке.

Почти все они были уроженцами белорусских деревень – о месте их рождения, как и о годе рождения, сообщалось в коротком досье на каждого. Старшим по возрасту в этом печальном списке оказался Жердецкий Герасим Кузьмич, восьмидесяти одного года. Он был переселенцем из деревни Церковье Могилевской губернии. А самым молодым был Лозиков Филипп Селивёрстович, родившийся в семье переселенцев в сибирской деревне Жигули, и шёл ему только тридцать третий год.

«Чи-то деды и прадеды, – думала я, читая страшные строчки, сообщавшие о их гибели. – Знают ли внуки и правнуки об их судьбе, знают ли они, в каких расстрельных ямах Ишима или Омска лежат их ни в чём не повинные родственники, объявленные властью врагами народа?»

Конечно, тема репрессий – это большая и нелёгкая тема, и она требует серьёзного разговора. Когда-нибудь я к ней обязательно вернусь, потому что

она кричит и болит. И судьба многих моих земляков продолжает меня волновать...

Но сейчас меня ждали поиски Михалачки.

Я вспомнила, что в моём компьютере есть папка с копиями страниц сайта «Память народа» – некоторое время назад я собирала сведения о воевавших и погибших земляках ермаковцах. Открыв папку, стала просматривать копии документов. Среди них оказались сводки донесений о погибших и пропавших без вести солдатах, составленные Викуловским райвоенкоматом в разные послевоенные годы. В одной из таких сводок за 10 апреля 1948 года за № 2/0130 нашла вот эта запись:

«Мельников Михаил Михайлович, сержант, летчик, б/п, 1923 г.р., место рождения: Тюменская область, Викуловский р-он, с. Ермаки, ВВС, призван неизвестным РВК, г. Энгельск, дата прекращения письменной связи: декабрь 43 г.»

В графе о данных родственника, сообщавшего о том, когда прекратилась связь, была записана его мать – Лозикова Ирина Дорофеевна.

Эта запись открыла многое: и то, что Михаил, возможно, был лётчиком, и год его рождения, и новую фамилию его матери Ирины. Она была Лозиковой!

Из рассказа тётки Зины я помнила, что Ирина второй раз выходила замуж в Жигули. Но только что обнаруженный Филипп Лозиков в «Книге расстре-

лянных», он ей кем мог доводиться? Родственником мужа? А сколько их там, Лозиковых, в Жигулях было? Но может, он и был её мужем?

«Так, стоп, – подумала я, – надо успокоиться». Стала размышлять.

Картина получалась страшной: один муж убит, второй расстрелян. Нет, скорее, это брат мужа. Да и моложе Филипп Лозиков Ирины Дорофеевны на пять лет. Вот ведь в книге написано, что он родился в 1905 году. А про неё известно, что она была 1900 года рождения. Ну, какой же он ей муж?..

Но, чтобы не сомневаться и что-то не придумывать, надо было искать документы о втором браке Ирины Дорофеевны.

На помощь в обнаружении документов о рождении Михалачки и записи о втором браке его матери Ирины мне мог прийти Викуловский районный отдел ЗАГС. Там работают удивительные женщины, всегда очень быстро и профессионально отвечающие на мои запросы. Это

» Курсанты-учлеты. Мельников Михаил Михайлович стоит справа. Снимок от 25 мая 1941 г.

Светлана Анатольевна Плюхина и Алёна Валерьевна Бакшеева. Сразу же по возвращении домой я отправила в Викулово новый запрос. Честно говоря, не очень надеялась, что нужные документы найдутся. Но мне повезло: нужные сведения сохранились! Я ликовала и благодарилась за безотказную помощь работников ЗАГСа.

Вот что стало мне известно из присланных ими сведений: Михаил Михайлович Мельников родился 21 июня 1923 года. Ирина Дорофеевна, записанная

» Михалачка. Снимок предположительно начала 1941 г.

1924 года. В них были внесены все члены семей старше восемнадцати лет, имеющие право голоса. Тогда, в те годы, выборы проводились часто – то было время становления новой власти, и составы местных Советов в деревнях менялись без конца. Но эти частые выборы очень помогли тогда мне в моих поисках.

Так, в списке от 21 октября 1923 года Михаил Харитонович Мельников и его жена Ирина были записаны как члены семьи старшего брата Михаила – Матвея. А в списке за 24 февраля 1924 года записанной в семью Матвея оказалась только Ирина. Михаила в списке уже не было. Так что можно предположить, что погиб Михаил Харитонович именно в этот промежуток времени. Михаилу Харитоновичу шёл двадцать пятый год.

«А как же Ирина? – думала я. – Осталась одна, с двумя детьми. Жила в семье брата покойного мужа, да ещё со свекровью Сиклитиньей, хотя ведь наверняка ещё были живы её родители. Да и старшие братья жили в Ермаках».

Вернувшись к списку избирателей за февраль 1924 года, стала смотреть, есть ли в нём её родители и братья. Родители Ирины в этом списке были.

Но иногда документы умеют сообщать то, о чём ты даже не можешь предположить. А записи сообщали, что отцу Ирины – Дорофею Моисеевичу Чернякову – было девяносто лет, а матери Екатерине – восемьдесят. Однако даже если допустить, что в возрасте отца писарь допустил ошибку, то родители, по меркам тех времён, были очень стары и забрать дочь к себе, конечно, не могли, да они и сами-то, как выяснилось, жили не одни, а вместе с семьями сыновей Елисея и Кузьмы. В списке избирателей отыскались и самые старшие братья Ирины – Григорий и Карп с жёнами и детьми. Семьи в ту пору у многих крестьян были большими, детей в них всегда было много: рожали, как говорили, столько, «сколько Бог давал...» Вот и род Черняковых был велик. Род был многострадален: двое из сыновей Дорофея Моисеевича Антон и Павел были зверски замучены и убиты колчаковцами в 1919 году во время Гражданской войны...

Судьба молодой вдовы, как и её детей, продолжала меня волновать. Где-то она должна была встретиться с Филиппом Лозиковым, – не сидеть же ей век на шее у родственников